

М. П. АЛЕКСѢЕВЪ.

ТУРГЕНЕВЪ и МУЗЫКА.

Прекрасному поклонится поэтъ.

А. Фетъ.

Кіевъ.

1918.

83.3P5-8

A47

KB

68351.

28-10

794
83.315-81
А 47

М. П. АЛЕКСѢЕВЪ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ И МУЗЫКА.

Прекрасному поклонится поэтъ.

А. Фетъ.

Докладъ, читанный на торжественномъ засѣданіи соединенныхъ обществъ при Университетѣ Св. Владиміра Нестора Лѣтописца, Историко-Литературнаго и Общества Изслѣдованія Искусствъ 28 октября 1918 года въ день столѣтней годовщины со дня рожденія И. С. Тургенева.

Кіевъ.

Изданіе Общества Изслѣдованія Искусствъ.

1918.

12883
ПРОВЕРЕНО 2014

85.343(2)

Печатано въ Кіевской Школѣ Печатнаго Дѣла въ коли-
чествѣ 500 экземпляровъ и 25-ти нумерованныхъ экзем-
пляровъ на бумагѣ vergé.

ПРОВЕРЕНО 2009

ПРОВЕРЕНО 2014

68351

Фонд редкой книги
ТУРГЕНИАН

ТУРГЕНЕВЪ И МУЗЫКА.

„Музыку я люблю, люблю ее весьма давно, смѣю думать—знаю ее“, говорилъ Тургеневъ на закатѣ жизни¹⁾, и то, что мы знаемъ объ этой любви Тургенева, вполне подтверждаетъ его искреннее признаніе²⁾. Въ музыкѣ Тургеневъ находилъ отраду, сладкія минуты радости или печали и отдавался любви къ ней съ нѣж-

1) „Русская Старина“ 1883 г., октябрь, стр. 215.

2) Объ этой любви Тургенева говорятъ и его друзья. Фридрихъ пишетъ: „Послѣ поэзіи больше всего Тургеневъ любилъ искусство, и на первомъ мѣстѣ музыку. Каждый знаетъ, какой живой интересъ проявлялъ онъ къ всемірно извѣстной интернаціональной музыкальной жизни въ домѣ Віардо“ (*С. Бертенсонъ*. Воспоминанія о Тургеневѣ „Вѣстникъ Европы“ 1906, X, стр. 332). Любопытное свидѣтельство находимъ и у А. Додэ. Однажды, въ сумерки, Додэ сопровождалъ Тургенева въ концертъ Паделу. „По дорогѣ, пишетъ Додэ, мы разговорились о музыкѣ, и я съ восторгомъ убѣдился, что онъ любитъ ее. Во Франціи среди литераторовъ установилась мода ненавидѣть музыку. Живопись наполнила все. Теофиль Готье, Поль де Сенъ-Викторъ, Гюго, Эдмонъ де Гонкуръ, Зола, Леконтъ де Лиль, — все это ненавистники музыки. Насколько мнѣ извѣстно, я первый громко признался въ своемъ невѣжествѣ по части живописи и въ своей страсти къ звукамъ. Безъ сомнѣнія, это зависѣтъ отъ моего южнаго темперамента и отъ моей близорукости—одно чувство развилось въ ущербъ другимъ. У Тургенева музыкальное чувство развилось въ Парижѣ; онъ приобрѣлъ его въ кругу, среди котораго проводилъ жизнь; кружокъ образовался благодаря тридцатилѣтней близости его съ г-жей Віардо, извѣстной пѣвицей, сестрой Малибранъ.“ „Иностранная критика о Тургеневѣ“ СПБ. 1884, стр. 199-200. Это свидѣтельство вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія; но кружокъ Віардо и она сама, бесспорно, много способствовали расширенію

ностью, страстностью и восторгомъ. Сила этой страстности—мѣрило его любви, но до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытки оцѣнить степень этой привязанности Тургенева, ея значеніе и основной характеръ¹⁾.

Между тѣмъ эта задача кажется намъ не только заманчивой, но и важной: музыка занимала въ творествѣ Тургенева одно изъ первыхъ мѣстъ. Она не была для него лишь развлеченіемъ, одною изъ прихотей мягкаго и избалованнаго сердца,—она была необходимостью, потребностью души, неутомимо жадной ко всему прекрасному. Вотъ почему, чѣмъ пристальнѣе вглядываемся мы въ значеніе этой привязанности Тургенева, тѣмъ ближе подходимъ мы къ самой тайной, самой интимной сторонѣ жизни его сердца.

Лѣто и осень 1853 года Тургеневъ жилъ въ Спаскомъ. Онъ ходилъ по болотамъ стрѣлять дупелей, устраивалъ далекія прогулки, а по вечерамъ „валялся на разныхъ диванахъ“, изучалъ шахматную игру и занимался музыкой. „Также много занимаюсь музыкой“, писалъ онъ С. Т. Аксакову: „т. е. говоря правильнѣе, занимаюсь тѣмъ, что слушаю музыку. Жена живущаго у насъ Тютчева и сестра ея много играютъ въ четыре ру-

и укрѣпленію любви Тургенева къ музыкѣ. О значеніи музыки для Тургенева много говоритъ еще *Е. Ардовъ* (Апрѣлева—Бларамбергъ): „Мои воспомин. объ Ив. Серг. Тургеневѣ“—„Русскія Вѣдом.“ 1904, №№ 4, 15, 18, и хорошо освѣдомленный *Поль Вярдо*: „Воспоминанія артиста“—„Новое Время“ 1906, прилож., №№ 10991, 10994, 11001, 11033. Ср. еще Проф. *Ив. Ивановъ*. И. С. Тургеневъ, изд. 2-е, Нѣжинъ, 1914, стр. 86.

¹⁾ Когда настоящая книга уже была сдана въ наборъ, нѣсколько цѣнныхъ и интересныхъ замѣчаній о музыкѣ для Тургенева мы нашли въ только что вышедшемъ „Вѣникѣ Тургеневу“ Одесса, 1919 въ статьѣ *Л. Гросмана*, „Послѣдняя поэма Тургенева“ стр. 60.

ки. Бетховенъ, Моцартъ, Мендельсонъ и Веберъ — наши любимцы¹⁾. О томъ же писалъ Тургеневъ и Віардо: „Чего мнѣ здѣсь особенно недостаетъ, такъ это — музыки; вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ я лишень этого, и совершенно“. И въ томъ же письмѣ онъ говоритъ объ этихъ Тютчевыхъ и объ ихъ отношеніяхъ къ музыкѣ. „М-ше Тютчева, кажется, совсѣмъ ее забросила. Я долженъ былъ употребить вчера всѣ усилія, чтобы засадить ее за рояль. Я просилъ ее сыграть финаль изъ „Донъ-Жуана“. Тургеневъ жаловался на то, что м-ше Тютчева слишкомъ любитъ своего мужа, чтобы любить еще музыку, хотя и „хорошо разбираетъ ноты и обладаетъ музыкальнымъ слухомъ“. Но мужъ ея, къ несчастью „весьма мало любитъ музыку или, скорѣе, онъ любитъ ее, какъ всѣ, за что-то другое, а не за то, что представляетъ музыка сама по себѣ. Существуютъ, напри- мѣръ, художники, у которыхъ звуки музыки вызываютъ чувство картинности, гармоніи линій и т. д. Большая часть литераторовъ ищетъ въ музыкѣ только литературныхъ впечатлѣній; это по большей части плохіе слушатели и плохіе судьи. Тютчевъ, у котораго нѣтъ никакой спеціальности, любитъ въ музыкѣ лишь то, что она будитъ въ немъ извѣстныя ощущенія, извѣстныя мысли; говоря проще, онъ любитъ ее мало, и могъ бы обойтись безъ нея. *Ни у кого здѣсь нѣтъ музыкальнаго голода, который мучитъ меня*“. Тургеневъ рассчитываетъ на дняхъ побывать въ гостяхъ у одного изъ своихъ сосѣдей, у котораго „цѣлый оркестръ, управляемый капельмейстеромъ-нѣмцемъ“²⁾.

¹⁾ Н. М. Гутъяръ. И. С. Тургеневъ. Юрьевъ, 1907, стр. 150.

²⁾ „Новое Время“ 1906, №10872 отъ 21-го іюня. Другой разъ, Тургеневъ, „страшно проголодавшійся безъ хорошей музыки“ — за нѣсколько мѣсяцевъ предупреждалъ Віардо, чтобы она была въ голодѣ къ его пріѣзду. Ивановъ, ор. cit, стр. 96.

„Я съ дѣтства любилъ музыку“—пишетъ Тургеневъ въ разсказѣ „Несчастная“, имѣя въ виду, конечно, себя, а въ „Отрывкѣ изъ Парижскихъ воспоминаній“— „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“, незнакомецъ задаетъ ему вопросъ: „А музыку вы тоже любите? Въ оперу ходите?“ И Тургеневъ отвѣчаетъ ему увѣренно и спокойно: „Я музыку люблю“. Незнакомецъ презрительно усмѣхнулся и замѣтилъ: „Любите? Гм! Любите. Понятное дѣло: вы славянинъ, а всѣ славяне меломаны. Самое это послѣднее искусство. Когда оно не дѣйствуетъ на человека—скучно; когда дѣйствуетъ—вредно“. Тургеневу оставалось только согласиться съ этимъ чудакомъ: онъ зналъ, что слишкомъ любить музыку для того, чтобы ожидать отъ нея отдохновеній или одной пріятности. Это только Иванъ Матвѣичъ въ томъ же разсказѣ „Несчастная“ просилъ ему играть на фортепіанахъ, и „музыка дѣйствовала усыпительно на его нервы. Глаза его тотчасъ закрывались, голова мѣрно опускалась и только пзрѣдка слышалось: *C'est du Steibelt, n'est ce pas? Jouez moi du Steibelt.* Иванъ Матвѣичъ считалъ Штейбельта великимъ гениемъ, умѣвшимъ побѣдить въ себѣ „la grossière lourdeur des allemands“, и упрекалъ его въ одномъ: „trop de fougue! trop d'imagination“¹⁾. Нельзя не почувствовать въ этой характеристикѣ отбѣнка насмѣшливости, а можетъ быть и самодовольства: Тургеневъ хорошо зналъ, что самъ любить эту „грубоватую тяже-ловѣсность“, и въ ней угадываетъ вдохновеніе и силу.

¹⁾ Здѣсь Тургеневъ имѣетъ въ виду Даніэля Штейбельта (1765-1823), популярнаго нѣкогда композитора и виртуоза. Штейбельта хорошо знали и въ Россіи, потому что здѣсь, устроившись послѣ Буальдѣ въ Петербургѣ капельмейстеромъ казенной французской оперы онъ кончилъ свою безпорядочную, эксцентричную жизнь. Онъ давалъ концерты въ Москвѣ и Петербургѣ, и легко вошелъ въ моду. Журналы повторяли анекдотъ о публичномъ

Приведенное письмо Тургенева къ Віардо полностью раскрываетъ намъ степень и значеніе его любви къ музыкѣ: тотъ музыкальный голодъ, который такъ остро чувствовалъ Тургеневъ въ своей Орловской деревенькѣ, достаточный показатель искренности этой любви и лучший свидѣтель того, какъ Тургеневъ нуждался въ музыкѣ, какъ чувствовалъ ея отсутствіе.

Живя за границей, Тургеневъ, какъ только могъ, насыщалъ себя музыкой, слушая ее съ жадностью и неутомимымъ любопытствомъ.

Въ Карлсруэ, Баденъ-Баденѣ и Куртавенелѣ, Тургеневъ неутомимый участникъ музыкальных вторниковъ и субботъ m-me Віардо ¹⁾. Въ Баденѣ, Дрезденѣ,

состязаніи его съ Бетховеномъ, и съ восторгомъ говорили объ его виртуозной легкости. Штейбельтъ писалъ оперы, фантазіи, вариации, марши, концерты, дивертисменты, сонаты. Онъ дѣйствительно побѣдилъ въ себѣ „la grossière lourdeur des allemands“, легко усвоивъ себѣ салонный французскій стиль. Непризнанный на родинѣ въ Германіи, онъ нашелъ себѣ пріютъ во Франціи, гдѣ писалъ оперы и подвизался на концертныхъ эстрадахъ. Бѣжать изъ Парижа въ Россію заставили его настойчивость и упорство его многочисленныхъ кредиторовъ. О немъ см. С. Л. „Штейбельтъ“ въ „Репертуарѣ и Пангеонѣ“, 1843 г. 2. Знакомство съ произведениями Штейбельта позволяетъ оцѣнить тонкость этой живописной детали въ образѣ Ивана Матвѣича, которая лишній разъ говоритъ не только о музыкальной эрудиціи Тургенева, но и о его вкусахъ.

¹⁾ Въ Баденъ-Баденѣ, каждый вечеръ въ домѣ Віардо посвящался музыкѣ. Играли, по преимуществу, нѣмцевъ. Музыка не прекращалась раньше 2-хъ часовъ ночи. *Ивановъ* op. cit., 117. О Баденской жизни рассказываетъ Л. Пичъ. „Иностранная критика, о Тургеневѣ, стр. 161, слѣд. *Апрѣлева-Бларамбергъ* рассказываетъ о четвергахъ въ Парижской квартирѣ Тургенева, Rue de Doué 48, „на которыхъ появлялись всѣ звѣзды музыкальнаго, писательскаго и артистическаго міра“. Тамъ встрѣчала она Форэ, Сень-Санса, Сарасате и Шарля Гуно. Особенно памятнымъ остался ей тотъ вечеръ, когда подъ аккомпаниментъ Сень-Санса Віардо

Парижъ—настоячивый и страстный полюбитель оперы, неутомимый зритель и критикъ. Съ достоинствомъ и гордостью могъ выслушать Тургеневъ презрительный упрекъ человека въ сѣрыхъ очкахъ: „Вы славянине, а всё славянине—меломаны“.

Одно изъ дружескихъ писемъ Тургенева къ Виардо хранитъ намъ трогательный разсказъ, мимо котораго трудно пройти не улыбувшись. Вотъ что рассказываетъ Тургеневъ: „Парижъ, Воскресенье вечеромъ, июнь 1849. Добрый вечеръ. Какъ вы поживаете въ Куртавенелъ? Держу тысячу противъ одного, что вы не угадаете того что... Но хороши же я, держа тысячу противъ одного—потому что вы уже угадали при видѣ этого лоскутка нотной бумаги. Да, сударыня, это я сочинилъ то что вы видите—музыку и слова, даю вамъ слово! Сколько это мнѣ стоило труда, пота лица, умственного терзанія—не поддается описанію. Мотивъ я нашелъ довольно скоро—вы понимаете: вдохновенъ! Но затѣмъ подобрать его на фортепiano, а затѣмъ записать... Я разорвалъ четыре или пять черновыхъ: и все-таки даже теперь не увѣренъ въ томъ, что не напи-

шла сцену лунатизма лэди Макбетъ изъ оперы Верди, и „Erl-könig“ Шуберта. „Бывала музыка и по утрамъ, изрѣдка по воскреснымъ днямъ, пишетъ она; мы оставались въ гостинной, г-жа Виардо садилась за рояль. Одно утро, помню, было посвящено на ознакомленіе съ партитурой оперы „Кузнецъ Вакула“ Чайковского, другое—на исполненіе Шопена. Какъ современница Шопена, лично его знавшая, слышавшая его игру, обладая притомъ превосходной техникой, Полина Виардо передавала шопеновскіе ноктюрны, вальсы, мазурки, прелюдіи съ выдающеюся экспрессіей и законченностью. Слушая проникновенную игру, Тургеневъ сидѣлъ въ отдаленіи въ креслѣ и, прикрывъ глаза, казалось, весь отдавался настроенію музыки“. „Русск. Вѣдом.“, 1904 № 4 и 18.

сать чего-нибудь чудовищно-невозможнаго. Въ какомъ это можетъ быть тонъ? Мнѣ пришлось съ величайшимъ трудомъ собрать все, что всплыло въ моей памяти музыкальныхъ крохъ; у меня голова отъ этого болитъ; что за трудъ! Какъ бы то ни было, можетъ быть, это заставитъ васъ минуты двѣ посмѣяться¹⁾. Далѣе Тургеневъ просилъ „устроить къ этому басъ“ и добавилъ: „Чортъ возьми! неужели такъ трудно сочинять музыку? Мейерберъ великій человѣкъ!!!“ Тургеневъ говорилъ объ этомъ эпизодѣ съ отѣнкомъ пренебреженія и насмѣшливости, какъ и почти всегда, когда говорилъ Віардо о себѣ, и о своемъ времяпрепровожденіи. Другой разъ онъ приносилъ мнѣ письмѣ французскую пастораль и сообщалъ, что онъ вчера вечеромъ сочинилъ музыку на эти слова. „Предложите знаменитому автору Offrande сочинить на это музыку. Я пришло свою, и посмотримъ, кто одержитъ верхъ. Вы будете судьей“. Впрочемъ, тутъ же Тургеневъ просилъ извиненія у Віардо въ томъ, что пишетъ подобныя глупости, и въ оправданіе свое говорилъ, что ему время отъ времени необходимо дѣлать „совершенно нелѣпыя глупости“²⁾. Въ глубинѣ души онъ, можетъ быть, думалъ иначе. А еще разъ, въ письмѣ къ той жѣ Віардо Тургеневъ писалъ, что нашелъ ея „толстую музыкальную тетрадь“ и, подсѣвъ къ фортепіано, пытался разбирать нѣкоторыя вещи: онъ нашелъ ихъ изящными и граціозными; но исполненіе было для него затруднительнымъ. Онъ „пѣлъ это груднымъ голосомъ, фальцетомъ, закрывъ глаза и наклонивъ голову немножко на-бокъ, какъ дѣлаешь, когда желаешь судить безпристрастно. Невозможно! Въ особенности это ut приво-

¹⁾ Письма И. С. Тургенева къ Паулинѣ Віардо. М. 1900, стр. 125-126. ²⁾ Ibid, стр. 148—150.

дить меня въ отчаяніе. Я даже пробовалъ замѣнить его. Невозможно, все такъ же невозможно! А начало фразы такъ мило. Все равно, я предпочитаю *La Luciole* или *Marie et Julie*, или *La nuit et le jour*¹⁾.

Полина Віардо не могла не найти его трогательнымъ въ эти минуты; позднѣе она могла бы даже ему сказать, что у него было что-то отъ Лемма изъ „Дворянскаго гнѣзда“: не такъ-ли этотъ бѣдный музыкантъ

¹⁾ Ibid, стр. 169. „Насколько я могу судить, вы во все время были изящны; но то, что вы дѣлали раньше, было несравненно менѣе откровенно“, пишетъ Тургеневъ о романсахъ Віардо въ этомъ же письмѣ, и кѣсати спрашиваетъ, собирается-ли она и въ этомъ году компонировать? Тургеневъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за музыкальнымъ творчествомъ г-жи Віардо. Съ волненіемъ и восторгомъ рассказывалъ онъ о первомъ представлении оперетты г-жи Віардо на его текстъ—„Послѣдній Колдунъ“ въ Веймарѣ. См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1869, № 110, отъ 23-го апрѣля. Перепечатано у М. Гершензона „Русскіе Прощаи“ т. III, 1916. Тутъ же Тургеневъ такъ писалъ о романсахъ Віардо: „Многіе изъ нихъ прелестны и, во всякомъ случаѣ, стоятъ неизмѣримо выше обыкновенныхъ произведеній этого рода; но—подите вы!—„какъ можетъ иностранка, испанка да еще цѣвица—писать русскіе романсы!“ Какъ будто музыка не есть всеобщій языкъ, и какъ будто тѣ плохіе штабъ-ротмистры въ отставкѣ и полныя свѣтскія дамы, которыми снабжается нашъ музыкальный рынокъ, и которые набираютъ свои романсики по слуху, тыкая однимъ пальцемъ по фортепіанамъ—какъ будто они способны найти настоящее, музыкальное выраженіе поэтической мысли, чѣмъ гениальная дочь Гарсін, про которую и Мейерберъ, и Оберъ, и Россини, и Вагнеръ—въ одно слово объявили, что она—сама музыка, *la musique même!*“ (стр. 185). Среди стихотвореній Лермонтова, Фета и др. положенныхъ на музыку г-жей Віардо, было нѣсколько стихотвореній Тургенева (тексты перепечатаны у Гершензона). „Мы издаемъ ихъ здѣсь въ Карлсруэ съ нѣмецкимъ и русскимъ текстомъ“, писалъ Тургеневъ Анненкову („Интер. Воспомин.“ СПБ. 1909, стр. 565-566).

таившей свою любовь, отчего она становилась еще прекрасней, писалъ Лизъ свою каятату, и въ свѣтлую ночь игралъ Лаврецкому свою импровизацію, въ которой только и была она одна, женскій ликъ, прекрасный и свѣтлый. И не изъ этихъ ли жизненныхъ, пережитыхъ моментовъ почерпнулъ Тургеневъ детали характеристики для этого образа потрясающей красоты? „Не поэтъ и не музыкантъ“—повторялъ Тургеневъ за Леммомъ не разъ въ минуты печали или отчаянія.

На значеніе образа Лемма еще не обращено должнаго вниманія. При желаніи можно было бы доказать его зависимость отъ образовъ Гоффмана. Такъ, сцена Лемма съ Лаврецкимъ нашла бы себѣ полное соотвѣтствіе въ заключительной сценѣ разсказа Гоффмана „Кавалеръ Глюкъ“¹⁾. Сходство Лемма съ такимъ превосходнымъ изображеніемъ, какъ „Кузень Понсъ“ Бальзака въ той же мѣрѣ могло бы показаться далеко не случайнымъ²⁾; въ этихъ параллеляхъ былъ бы смыслъ и зна-

1) На это указалъ уже Евг. Дегенъ въ статьѣ „Э. Т. А. Гоффманъ“ „Міръ Божій“ 1901, XII, стр. 116.

2) Въ романѣ Бальзака два героя могли привлечь вниманіе Тургенева, два друга: Понсъ и Шмуке, оба музыканты и простодушные артисты въ душѣ. Тургеневу могли запомниться детали этихъ двухъ характеристикъ, трогательное величіе одного и простодушная мягкость другого. Въ романѣ Бальзака есть та же сцена, что у Гоффмана и Тургенева—гениальной импровизаціи ночью, которую заставляетъ слушать Понса Шмуке, потрясенный отчаяніемъ и горемъ, и возбужденный припадкомъ дружбы и внезапнаго довѣрія. Вдохновеніе увлекло добраго Шмуке за предѣлы міровъ: „онъ началъ на великія темы, на которыхъ вышивалъ капризы, какъ на канвъ, выполняя ихъ то съ болью и рафаэлевскимъ совершенствомъ Шопена, то съ фугой и дантовской грандіозностью Листа, двухъ музыкальныхъ организацій, всего болѣе подходящихъ къ Паганини... Но въ эту ночь, когда Шмуке далъ Понсу предвкусить райскіе концерты, эту восхитительную музыку“

ченіе; но еще важѣе подчеркнуть автобіографическое значеніе этого образа, весь его смыслъ для личной жизни Тургенева.

Какъ у Лемма, у Тургенева музыка сливалась съ любовью, вызывала и дополняла ее. „Сладкая страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся топилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, святаго; она дышала безсмертною грустью и уходила умирать въ небеса.—Лавредекій выпрямился и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и вливались въ его душу, только что потрясенную счастьемъ любви; они и сами пылали любовью“. „И мелодія Лемма“—говоритъ В. Оленивъ, которому первому удалось раскрыть значеніе этого образа, ¹⁾—„и мелодія Лемма словно раскрываетъ смыслъ тургеневскаго творчества. Ему, какъ и Лемму, одиночество не создаетъ пѣсенъ. Онъ творитъ лишь любовь созерцая, лишь отъ нея загораясь. Какъ будто и ему нужно увидѣть первую зарницу любви, и лишь тогда торжествуяще и побѣдительно зазвучитъ у него творческая мелодія“.

заставившую св. Цецилію уронить все свои инструменты, онъ былъ вмѣстѣ и Бетховенъ и Паганини, творецъ и исполнитель. Неистощимый, какъ соловей, великій, какъ небо, на которомъ онъ поетъ, разнообразный, густолиственный какъ лѣсъ, который онъ наполняетъ своимъ руладами, онъ превзошелъ самого себя и погрузилъ стараго музыканта въ экстазъ, нарисованный Рафаэлемъ, любоваться которымъ все ѣздить въ Базанью“... (chap. XXV) Эта параллель можетъ подчеркнуть также различіе описательной манеры Тургенева и Бальзака, сосредоточенную густоту перваго и метафорическую нагроможденность втораго.

¹⁾ В. Оленивъ. Музыка Лемма. „Труды и Дни“, ежемѣсячникъ изд-ва „Мусагетъ“ 1912 №4-5, стр. 138.

Любовь Тургенева къ музыкѣ часто соединялась у него съ воспоминаніемъ о дружескомъ расположеніи къ Віардо. Онъ особенно любилъ музыку подлѣ женщины и отъ нея. Любовь къ женщинѣ и къ музыкѣ часто сливались, устанавливали взаимное пониманіе, дополняли другъ друга. Моментъ этой близости особенно подчеркнуть въ „Трехъ встрѣчахъ“. Въ этомъ разсказѣ есть одно особенно характерное мѣсто. Тургеневъ набрасываетъ картину свѣтлой лѣтней ночи: „Все дремало, все нѣжилось вокругъ, все какъ будто глядѣло вверхъ, вытянувшись, не шевелясь и выжидая. Чего ждала эта теплая, эта незаснувшая ночь? *Звукъ ждала она; живого голоса ждала эта чуткая тишина*“. Въ такую ночь игралъ и Леммъ Лаврецкому.

Въ „Постоянномъ дворѣ“ нѣсеню поетъ Наумъ, и она, „эта протяжная и заунывная пѣсня, словъ которой нельзя было разобрать“, пробуждаетъ любовь въ Авдотѣ. И то же въ разсказѣ „Несчастная“. Сусанна „сѣла, достала ноты, развернула ихъ и торопливо начала играть. Это была, какъ я потомъ узналъ, знаменитая F-moll'ная соната, opus 57¹⁾. Игра Сусанны меня поразила несказанно: я не ожидалъ такой силы, такого огня, такого смѣлаго размаха. Съ самыхъ первыхъ тактовъ стремительно-страстного Allegro начала сонаты я почувствовалъ то оцѣпенѣніе, тотъ холодъ и сладкій ужасъ восторга, который мгновенно охватываетъ душу, когда въ нее неожиданнымъ налетомъ вторгается красота. Я не пошевелился ни однимъ членомъ до самаго конца. Я не хотѣлъ и не смѣлъ вздохнуть. Мнѣ пришлось сидѣть сзади Сусанны; ея лица я не могъ видѣть; я видѣлъ

¹⁾ Этой извѣстной сонатѣ Бетховена присвоено названіе „Apassionata“. Начальное Allegro assai, дѣйствительно, полно порыва и свѣтлаго мужества.

только, какъ ея темные, длинныя волосы изрѣдка прыгали и билась по плечамъ, какъ порывисто покачивался ея станъ и какъ ея тонкія руки и обнаженные локти двигались быстро и нѣсколько угловато. Последнія отзвучія замерли. Я вздохнулъ наконецъ. Сусанна продолжала сидѣть передъ фортепіано“. *Romantische Musik!* Замѣтилъ г. Гатчъ.

Но значеніе музыки для Тургенева еще не исчерпано этой ея тѣсной близостью съ жизнью сердца. Тургеневъ не искалъ въ музыкѣ ни живописныхъ, ни литературныхъ впечатлѣній; онъ не искалъ въ ней и отдыха; музыка минутами становилась для него потребностью; онъ нетерпѣливо ждалъ ее и шелъ къ ней навстрѣчу. Но потребность эту онъ чувствовалъ часто, и во всѣхъ случаяхъ жизни. Вотъ почему и герои Тургенева такъ часто поютъ и играютъ. У Тургенева достаточно поводовъ выказать свою музыкальную эрудицію и свой вкусъ. Зоя въ „Наканунѣ“ „очень недурно пѣла русскіе романсы, частенько разыгрывала на фортепіано разныя то веселенькія, то чувствительныя штуčky“; Варвара Павловна въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ разыгрываетъ шопеновскія мазурки, а Паншанъ поетъ романсъ своего сочиненія; графъ Х. въ „Дымѣ“ „говорить“ шансонетку своего изобрѣтенія, „цѣликомъ украденную у Оффенбаха“, племянникъ Татьяны Борисовны въ одномъ изъ разсказовъ „Записокъ охотника“ поетъ „Уединенную сосну“ Титова¹⁾, а его добрый тетюшка разсуждаетъ объ эволюціи русскаго романса. Колибри въ „Исторіи лейтенанта Ергунова“ поетъ заунывную цыганскую пѣсню, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Огурецъ въ „Бригадирѣ“, напившись „широко раскрылъ

1) „Уединенную сосну“ Тургеневъ ошибочно называлъ романсомъ Варламова.

свои мскрыя красныя губы и зашѣлъ, загнувъ голову на-бокъ, закрывъ глаза и потряхивая бородкой“. Стоитъ-ли говорить о пѣсняхъ Якова или Рядчика въ „Пѣвцахъ“?

Нетрудно оцѣнить значеніе этихъ живописныхъ деталей въ изображеніяхъ Тургенева: каждая изъ нихъ характерна, но доступна болѣе всего пониманію музыканта. Леммъ, напримѣръ,—поклонникъ Баха и Генделя, Иванъ Матвѣичъ въ „Несчастной“ предпочитаетъ всѣмъ Штейбелята, а Ратчъ негодуетъ на романтическую музыку, называя ее „Janitscharen Musik“, и восторгается только классиками. И какъ, напримѣръ, хорошо характеризуетъ Бамбаева въ „Дымѣ“ слѣдующій эпизодъ: онъ „тоже поговорилъ о будущности Россіи, и даже расписалъ ее въ радужныхъ краскахъ, но въ особый восторгъ привела его мысль о русской музыкѣ, въ которой онъ видѣлъ что-то „ухъ! большое“, и въ доказательство затянулъ романсъ Варламова, но скоро былъ прерванъ общимъ крикомъ, что онъ, молъ, поетъ Miserere изъ Триватора, и прескверно поетъ“. Набросать всѣ эти детали могъ только музыкантъ, хорошо знавшій музыкальную литературу и хорошо ее чувствовавшій. Въ томъ же „Дымѣ“ Тургеневъ даже заставилъ спорить на музыкальныя темы Литвинова и Потугина. Устами послѣдняго онъ осудилъ музыкальное диллетанство и приводитъ въ примѣръ музыкальныя традиціи „отечества Моцартовъ и Гайдновъ“, а устами Литвинова, хотя и съ оговорками, заставилъ признать Глинку замѣчательнымъ музыкантомъ ¹⁾.

¹⁾ Потугинъ, между прочимъ, говоритъ: „Не то, что у Мейербергера, а у послѣдняго нѣмецкаго флейтчика, скромно вывыставающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ больше идей, чѣмъ у всѣхъ вашихъ самородковъ,

Въ своей перепискѣ Тургеневъ часто говоритъ о своихъ музыкальныхъ впечатлѣніяхъ¹⁾, и у насъ есть возможность полностью возстановить его музыкальное міросозерцаніе, его симпатіи и склонности. Та картина, которая развертывается передъ нами—драгоценна, и ею нельзя пренебречь въ общей оцѣнкѣ міросозерцанія Тургенева. Тургеневъ съ жадностью слушаетъ все, что прии-

только флейщикъ хранить про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ въ отечествѣ Моцартовъ и Гайдновъ, а нашъ братъ самородокъ „трень-брень“ вальсикъ или романсикъ, и, смотришь, уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: „я, молъ, гений“. И далѣе: „сказать, напримѣръ, что Глинка былъ дѣйствительно замѣчательный музыкантъ, которому основательства, виѣшнія и внутреннія, помѣшали сдѣлаться основателемъ русской оперы, никто бы спорить не сталъ: но иѣтъ! какъ можно! Сейчасъ надо произвести его въ генералъ-аншефы, въ оберъ-гофъ-маршалы по части музыки, да другіе народы кстаи оборвать, ничего молъ подобнаго у нихъ иѣтъ, и тутъ же указать намъ на какого нибудь „мощнаго доморощеннаго гения“. Это мѣсто „Дыма“ волновало многихъ. В. В. Стасовъ въ одну изъ первыхъ своихъ встрѣчъ съ Тургеневымъ долго спорилъ съ нимъ по поводу этой тирады. „Я, рассказываетъ Стасовъ, тотчасъ же по поводу „Дыма“ перешелъ къ Глинкѣ, и спросилъ Тургенева, неужели онъ и самъ думаетъ о Глинкѣ то самое, что его Потугинъ. Ну, Потугинъ, не Потугинъ,—возразилъ Тургеневъ, тутъ есть маленькая charge, я хотѣлъ представить совершеннаго западника, однако я и самъ многое такъ же думаю...“ „Но мы не долго остановились на одномъ Глинкѣ, продолжаетъ Стасовъ. Тургеневъ перешелъ къ новѣйшимъ русскимъ композиторамъ, которыхъ сильно не долюбивалъ и съ порядочнымъ презрѣніемъ отзывался о нихъ. „Что я о нихъ думаю, вы видѣли въ „Дымѣ“,“ сказалъ онъ, сильно волнуясь“... „Двадцать писемъ Тургенева и мое знакомство съ нимъ“. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1888, X. 148-149. Близкую параллель словамъ Потугина могутъ составить подлинныя слова Тургенева приводимыя *Апрѣлесой*. „Русск. Вѣдом.“ 1904 № 18.

¹⁾ См. особенно письма къ Виардо: М. 1900 и „Современный міръ“ 1911 №12, 1912 №№ I и 3, а также письма къ Стасову.

дета, и готовъ наслаждаться и Мейерберомъ, и Россини, и Глюкомъ. Но тѣ отзывы, которые онъ даетъ, обнаруживаютъ въ немъ все же умѣніе разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и вполне опредѣленные симпатіи. „Чтобъ отыскать еще живой и чистый источникъ, надо вернуться очень далеко назадъ“¹⁾, и потому онъ предпочитаетъ классиковъ: „мелодія Моцарта льется для меня совершенно естественно такъ, какъ льется какой-нибудь прекрасный ручей или источникъ“²⁾. Онъ цитуетъ Глюка³⁾ и проситъ графиню Ламбертъ прислать ему французскіе и англійскіе журналы, гдѣ бы онъ могъ найти статьи о возобновленномъ „Орфеѣ“⁴⁾. Всего болѣе онъ, впрочемъ, любитъ Бетховена, Шуберта, Шумана и Вебера, и понимаетъ, что называется романтизмомъ въ музыкѣ⁵⁾. О любви Тургенева къ Шуману рассказываетъ и В. В. Стасовъ: „Это было въ 1865 г. въ залѣ благороднаго собранія, у Полицейскаго моста. Тургеневъ немного опоздалъ въ концертъ Русскаго Музыкальнаго Общества и войдя въ залу рассказывалъ какой-то зна-

¹⁾ Письма къ Віардо, стр. 28.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1883, окт., 215.

³⁾ П. къ Віардо, 28.

⁴⁾ Письма П. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. М. 1915, стр. 56 (письмо 26-ое). Тургеневъ получалъ „Musical World“ и состоялъ въ перепискѣ съ музыкальнымъ критикомъ „Аthenaeum“ Чорлеемъ. Въ письмѣ къ Стасову 1872 г., Тургеневъ восторгался глюковскими речитативами, потому что у него „отъ первыхъ ихъ звуковъ навертываются слезы“ Стасовъ, *op. cit.* стр. 167.

⁵⁾ *Апрѣлева* пишетъ: „Самъ онъ ни на одномъ инструментѣ не игралъ. Любилъ больше всего Моцарта, Шуберта, затѣмъ, Шумана, Шопена“... „Русск. Вѣд.“ 1904 № 15. Ср. приведенный выше отрывокъ изъ письма къ С. Т. Аксакову. Стасовъ (*ibid.*, 154) свидѣтельствуетъ, что слушая однажды варіаціи Шумана и его „Карнаваль“, Тургеневъ „былъ полонъ невыразимаго энтузіазма и восхищенія“.

комой своей дамѣ рядомъ со мной, отчего опоздать. „Je viens d'entendre pour la première fois la quintetto de Schumann. J'ai l'âme tout en feu“, говорилъ онъ немного прищептывая...¹⁾ Онъ пишетъ Виардо: „Въ ту минуту, какъ я пишу Вамъ эти строки, кучка странствующихъ музыкантовъ принимается пѣть *Mourir pour la patrie* Госсекса... Боже, какъ это прекрасно! У меня слезы выступили на глаза. Да, положительно, старые музыканты лучше теперешнихъ. Какая серьезная энергія! какая убѣжденность! какая величественная простота!“²⁾ Онъ предубѣжденъ къ теперешней музыкѣ, онъ не выносить Вагнера. „Музыку я люблю, люблю ее весьма давно, смѣю думать знаю, и во имя этого позволяю прямо сказать, что не только не понимаю, но совершенно не люблю музыку Вагнера... Эти вѣчные диссонансы Вагнера съ перваго-же ихъ звука на меня производятъ самое непріятное впечатлѣніе“³⁾. Скептически относился Тургеневъ и къ Листу. Однажды Стасовъ съ жаромъ рассказывалъ ему про „*Mephisto Walzer*“ и „*Danse Macabre*“, но, какъ говоритъ Стасовъ, „Тургеневъ ихъ не зналъ, да и знать не желалъ; онъ застылъ на Бетховенѣ

¹⁾ Стасовъ, *ibid*, стр. 146.

²⁾ П. къ Виардо, *ed. cit.* 44. Госсекъ, (1734-1829), выдающійся французскій композиторъ; страстный республиканецъ, онъ былъ официальнымъ композиторомъ республики и авторомъ множества патриотическихъ республиканскихъ пѣсенъ.

³⁾ „Русск. Стар“ 1883, окт. 215. О нелюбви Тургенева къ Вагнеру говоритъ и *Апрѣлева* (*ibid*, №15): „У него, по его словамъ, на первомъ представленіи въ Парижѣ „Тангейзера“, жестоко тогда освищеннаго, имѣлся тоже на всякій случай ключъ въ карманѣ... Пустялъ-ли онъ его въ дѣло, не знаю... Помнится, онъ, смѣясь, увѣрялъ, что общій примѣръ его увлекъ. Какъ бы то ни было, но и впоследствии Вагнеръ не пользовался его симпатіями и только позднѣйшими произведеніями вызывалъ въ немъ нѣкоторый интересъ“.

и Шуманъ, и дальше въ музыкѣ ничего не признавалъ¹⁾ Тургеневъ любитъ итальянцевъ, особенно Россини²⁾. Къ французамъ его отношеніе не одинаково: онъ въ восторгѣ отъ „Вѣлой дамы“ Буальдьё, о которой пишетъ: „Что за красивая, изящная, вдохновенная, рыцарская музыка! Можетъ быть эта музыка менѣе блестяща, но она еще болѣе французская, чѣмъ музыка Обера: Буальдьё иногда блѣденъ, но никогда не вульгаренъ (что случается даже слишкомъ часто съ напа „Фенеллы“)³⁾. Интересенъ отзывъ его о Гуно: „Если Гуно не великая музыкальная сила, если у него нѣтъ генія, я отказываюсь отъ всякаго сужденія о людяхъ и талантахъ“⁴⁾. И Тургеневъ преклоняется передъ „Фаустомъ“ и „Ромео и Джульеттой“⁵⁾. Онъ любитъ еще Мендельсона: „Симфонія еп Іа мнѣ очень понравилась. Это изящно, сильно, возвышенно“⁶⁾, но „прекрасныя вещи создаются талантомъ въ соединеніи съ истиннѣмъ, головою и сердцемъ. Смѣю думать, что у Мендельсона голова преобладаетъ“⁷⁾. Изъ русскихъ онъ любитъ Чайковскаго, съ которымъ у него, конечно, много общаго⁸⁾, и Римскаго-Корсакова, но къ

1) Стасовъ, *ibid*, стр. 150.

2) Тургеневъ не разъ съ восторгомъ говоритъ о „Севильскомъ Цирюльникѣ“. Музыку „Donna del Lago“ онъ называетъ „прелестной (не взирая на нѣкоторыя длинноты и нѣкоторыя устарѣлости)“ П. къ Виардо, 68.

3) П. къ Виардо, 25-26. „La Dame Blanche“ (1825) считается лучшей оперой Буальдьё.

4) П. къ Виардо, 244.

5) П. къ Виардо, 64 слѣд. Ср. еще замѣчаніе въ письмѣ къ Анненкову. „Литер. Воспомин.“ 1909, стр. 571.

6) П. къ Виардо, 72.

7) *Ibid*, 16.

8) Милютину онъ благодаритъ за присылку романсовъ Чайковскаго и сообщаетъ, что самъ собирается ему писать (Первое Собраніе Писемъ, СПб. 1884, стр. 192). Романсы Чайковскаго

русской музыкѣ въ цѣломъ чувствуетъ отвращеніе и презрѣніе ¹⁾.

Эта картина не полна, но она даетъ общія очертанія. Особенныя симпатіи Тургенева къ Моцарту, Веберу, Бетховену, Шуберту и Шуману, высказанныя имъ самимъ и подчеркнутыя въ воспоминаніяхъ друзей Турге-

нерѣдко исполняла Віардо. На одномъ изъ вечеровъ, Тургеневъ между прочимъ съ удовольствіемъ слушалъ „Нѣтъ только тотъ, кто знаетъ“ (Апрѣлева, Ibid, № 18).

¹⁾ Нерасположеніе Тургенева къ русской музыкѣ и въ частности къ „молодой русской школѣ“ служило причиной постоянныхъ горячихъ споровъ его со Стасовымъ. Этого нерасположенія Стасовъ никогда не могъ простить Тургеневу, и много лѣтъ спустя, вспоминая объ этихъ спорахъ, говорилъ о нихъ раздраженно и съ возмущеніемъ. Передавая рѣзкій отзывъ Тургенева о Балакиревѣ и Мусоргскомъ, Стасовъ писалъ: „Я до того дня или точнѣе до „Дыма“, не зналъ, до какой степени Тургеневъ терпѣть не можетъ новую русскую музыку и какъ мало въ ней разумѣть“ (ор. cit, 148-149). „Мы болѣе всего расходились по части музыки, пишетъ Стасовъ въ другомъ мѣстѣ. Тургеневъ очень мало знаетъ и еще менѣе понимаетъ русскую школу, но не-любовь къ ней у него была очень сильна“. Дѣйствительно, въ одномъ изъ писемъ къ Стасову, Тургеневъ писалъ о „Каменномъ гостѣ“ Даргомыжскаго, что это „ничтожный пискъ, собраніе вилыхъ, безцвѣтныхъ, старчески-безсильныхъ речитативовъ“, что „изъ всѣхъ русскихъ молодыхъ музыкантовъ только у двухъ есть талантъ положительный: у Чайковскаго и Римскаго-Корсакова — всѣхъ остальныхъ новыхъ русскихъ музыкантовъ стоило-бы въ куль, да въ воду! Египетскій король Рамзесинтъ XXIX такъ не забыть теперь, какъ они будутъ забыты черезъ 15-20 лѣтъ. Это одно меня утѣшаетъ“ (Парижъ, 1872, Ibid, стр. 167 и 153). Стасовъ сходилъ съ Тургеневымъ въ одномъ—въ нерасположеніи къ Стрovu (Ibid, 149), но никогда не простилъ ему рѣзкихъ отзывовъ о Балакиревѣ и Мусоргскомъ. Стасовъ, впрочемъ, предлагалъ и правдоподобное объясненіе этого нерасположенія Тургенева: русской музыкѣ онъ попросту не знаетъ, и живя въ Парижѣ, вмѣстѣ съ Віардо „продолжалъ восхищаться только Моцартомъ и Глюкомъ“ (Ibid, 193). Враждебно относилась къ Тургеневу и „мо-

пева, даютъ намъ руководящую нить. Тургеневъ любилъ романтиковъ, старшее и младшее поколѣнія музыкальных гениевъ. У нихъ онъ находилъ убѣжденную силу музыкальнаго выраженія, мощностъ вдохновенія, размахъ и страстностъ. Онъ цѣнитъ даръ мелодическаго изобрѣтенія; отсюда его любовь къ Гуно и его привязанностъ къ нѣсенному творчеству; онъ любитъ грацію, изящество, нѣжностъ, и потому ему дорога классическая музыка, Моцартъ и Глюкъ, изящество французской музыки и блескъ итальянской. Таковы, въ общихъ чертахъ, его музыкальныя симпатіи и склонности.

Никто изъ русскихъ писателей не любилъ музыку такъ нѣжно и страстно, какъ Тургеневъ. Любилъ и звалъ музыку Пушкинъ и нѣсколько разъ говорилъ о ней прекрасными словами; Грибоѣдовъ любилъ играть и импровизировать на фортепіанахъ и былъ въ дружбѣ съ Алябьевымъ и Варламовымъ. Не любилъ и плохо зналъ музыку Гоголь. Онъ отзывался о ней только одинъ разъ въ „Арабескахъ“: „Она отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громами могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она томительна и мятежна, но могущественнѣе и восторженнѣе подъ безконечными, темными сводами катедралъ, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни модельщиковъ стремятъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и несется съ ними горѣ „... Музыка для Гоголя была только однимъ изъ средствъ постиженія величія Творца и ничтожества чело-

лодая русская школа“—болѣе всѣхъ—Мусоргскій. Какъ извѣстно, у Тургенева въ отицаніи русской музыки было много единомышленниковъ. Любопытно, напр., что такъ-же относился къ Мусоргскому Салтыковъ, про его „реализмъ“ выражавшійся такъ: „Извозчикъ въ темную ночь ищетъ своего потеряннаго кнута“. „Отеч. Зап.“ 1874, 217.

вѣка. Лермонтовъ трехъ лѣтъ плакалъ отъ русской пѣсни. Но никто изъ нихъ не придавалъ музыкѣ такого значенія какъ Тургеневъ, никто не говорилъ о ней такъ часто, и съ такимъ восторгомъ, никто не звалъ ее такъ настойчиво во всѣхъ случаяхъ жизни, никто не благословлялъ ее, какъ утѣшительницу и спутницу.

Внимательный біографъ Тургенева, изслѣдователь его произведеній, неутомимый собиратель всего того, что связано съ его драгоценной памятью, не сможетъ пройти мимо любви Тургенева къ музыкѣ. Онъ оцѣнитъ силу этой любви, укажетъ на ея значеніе и выяснитъ ея основной характеръ. Сказанное нами только указываетъ на необходимость и важность этого изученія; но и мы можемъ и должны сказать, что любовь эта была сильной и длительной, тайной и явной, неизмѣннымъ спутникомъ всѣхъ движеній сердца, источникомъ всѣхъ радостей и печалей. Она давала Тургеневу и отдыхъ, и минуты вдохновеній. „Прекрасному поклонится поэтъ“, — сказалъ Фетъ. Поклонился ему и Тургеневъ и повѣдалъ намъ о своей любви.

175-00

BIBLIOTEKA TURGENEVA

068351

1050